

Пушкин и литературное движение его времени

Центральное положение, которое занял Пушкин в русской литературе XIX в., определялось не только уникальностью его индивидуального дарования. Здесь действовали и общие закономерности историко-литературного процесса — силы, которые соединились как в едином фокусе в феномене Пушкина и выдвинули его на это место. Первая треть XIX в. в России не случайно определяется как «пушкинская эпоха» — и этот термин означает не только эпоху, проходившую под знаком Пушкина, но и эпоху, его сформировавшую.

Первоначальное литературное воспитание Пушкина питалось истоками Просвещения XVIII в. в его французском и русском вариантах. Принято считать, что доминантой его было именно французское Просвещение, — и в целом это верно, однако роль национальных начал в нем не следует недооценивать. Московская литературная среда, с которой тесно соприкасалась семья будущего поэта, была в это время в авангарде русского литературного движения: в Москве жили Карамзин и И. И. Дмитриев, и к их ближайшему окружению принадлежал, в частности, дядюшка Пушкина Василий Львович, бывший первым его литературным наставником. В Москве издавались лучшие русские литературные журналы карамзинской ориентации; в «Вестнике Европы», основанном Карамзиным, в первое десятилетие XIX в. сотрудничают В. А. Жуковский, братья Андрей и Александр Тургеневы, молодой П. А. Вяземский, несколько позднее К. Н. Батюшков и сам Пушкин.

У нас очень мало данных для воссоздания той литературной атмосферы, в которой проходили детские годы Пушкина. Несомненно, однако, что с литераторами уходящего столетия семью связывало живое предание. К нему восходят, например, сохраненные Пушкиным сведения об интересе его родителей и бабушки к жизни и деятельности Фонвизина (Новонайденный автограф, 1968); оно во многом предопределило и то глубокое впечатление, которое произвела на молодого Пушкина знаменитая встреча на лицейском экзамене 1815 г. с Державиным, назвавшим его своим поэтическим наследником.

Вместе с тем уже в долицейский московский период мальчик Пушкин становится [невольным вовлеченным в полемику] литературных групп и течений, принимавшую все более антагонистический характер и вылившуюся в прямые столкновения. Культурное созревание его шло необыкновенно быстро; оно совпадает по времени с формированием «Беседы любителей русского слова» и будущего «арзамасского» кружка. Первая объединила «архаистов», противников карамзинской литературной реформы и шире — противников европейской просветительской традиции, которой она противопоставляла патриархально-религиозные начала в общественной жизни, а в литературе — ориентацию на внеисторически понятые образцы русского XVIII в., в частности на Ломоносова; второй резко выступил против общественного и литературного консерватизма «беседчиков», составя своего рода «либеральный фронт» в политике и литературе. К 1810-1811 гг. относятся полемические статьи и стихотворные послания-памфлеты Д. В. Дашкова и В. Л. Пушкина, открывшие прямую литературную полемику, которая в 1815 г. привела к созданию «Арзамаса» (Альтшуллер, 1984; Арзамас и арзамасские протоколы, 1933; Арзамас, 1994).

К моменту переезда в Петербург и поступления в Лицей (1811) у Пушкина был уже достаточно широкий запас литературных впечатлений и ориентаций. Конечно, сочувствие его полностью принадлежит будущим «арзамасцам» и затем организационно оформленному кружку; его литературное творчество лицейского времени буквально пронизано идеями и

речениями из арсенала «арзамасцев»; он внимательно следит и за литературной продукцией «Беседы», откликаясь на нее сатирами, посланиями и эпиграммами в «арзамасском» духе (свод литературы см. в: *Пушкин А. С. Стихотворения лицейских лет.* СПб., 1994). Он прямо причисляет себя к «арзамасскому братству», и эта группа — Жуковский, Вяземский, Ал. Тургенев, Д. В. Давыдов — составит впоследствии его литературный круг (Гиллельсон, 1974; Гиллельсон, 1977).

Два литературных деятеля из этой среды выдвигаются как непосредственные литературные учителя Пушкина. Это Батюшков и Жуковский. Традиционно на первое место ставится Батюшков.

Вопрос о значении для Пушкина литературных традиций, представленных этими двумя именами, представляет собою широкую и сложную проблему, перерастающую пределы собственно пушкиноведческой проблематики. Сущность художественного метода Батюшкова и Жуковского, его эстетические основы, доминирующие черты их поэтического стиля — все это по-разному осмысливается в историко-литературной науке. В классической работе А. Н. Веселовского «Жуковский: Поэзия чувства и сердечного воображения» (1904) Жуковский рассматривался как сентименталист — и эта точка зрения находит сторонников и поныне, — однако уже в 1930-е гг. возобладал взгляд на него как на романтического поэта, представителя консервативного, по определению Пушкина, «готического» романтизма, с ясно выраженными чертами религиозного мистицизма как в идеологии, так и в поэтике. Такая трактовка поэзии Жуковского, в несколько упрощенном и, в соответствии с идеологическими тенденциями времени, социологизированном виде, была дана в книге Б. С. Мейлаха «Пушкин и русский романтизм» (1937), оказавшей значительное влияние на дальнейшее изучение проблемы. Творческие искания молодого Пушкина совершенно очевидно не совпадали с религиозно-философскими устремлениями Жуковского, и это расхождение чаще всего осмыслилось как полемика. Такое понимание как будто находило себе и прямое фактическое подтверждение: в «Руслане и Людмиле» Пушкин откровенно пародировал «Двенадцать спящих дев» Жуковского и в более поздние годы демонстрировал свое равнодушие к «мистической» поэзии. Гедонистически-чувственная, предметная и «земная» поэзия Батюшкова оказывалась ему ближе; ранняя лирика Пушкина буквально пронизана реминисценциями из Батюшкова, более всего из «Моих пенатов»; самый облик Батюшкова в посланиях к нему лицеиста Пушкина выступает как стилизованный символ «наследника Тибулла и Парни», певца любви и эстетизированных жизненных наслаждений, символ поэтической и шире — духовной свободы. Это был тот самый комплекс поэтических идей, который воплощал сам Пушкин в своем лицейском творчестве.

Подробный разбор «традиции Батюшкова и Жуковского» в творчестве Пушкина был дан Г. А. Гуковским в книге «Пушкин и русские романтики» (1946; переизд. 1965). Анализируя основы поэтического стиля Батюшкова и Жуковского (последний рассматривался в книге как проекция субъективно-идеалистической философии, что впоследствии вызвало оправданные сомнения), Гуковский устанавливал доминирующее значение Батюшкова для Пушкина; однако оба эти начала для него не выстраивались в жесткую оппозицию. Поэтические системы Жуковского и Батюшкова, столь различные на первый взгляд, отнюдь не были антагонистичными в своих основах, напротив: они сближались в самых существенных своих чертах (в понимании сущности поэтического слова, невербальных средств, метафорического языка и пр.), определяя собой принципы той «школы гармонической точности», к которой прямо причислял себя Пушкин. В сознании современников и Батюшков, и Жуковский были родоначальниками так называемой «новой школы поэтов», куда включали и Пушкина. Обширный материал, подтверждающий такое понимание, содержался и в книге В. В. Виноградова «Стиль Пушкина» (1941), где анализ лирического творчества Пушкина на лингвостилистическом уровне сопровождался многочисленными аналогами из Батюшкова и Жуковского (формы поэтического словоупотребления, лирические формулы, синтаксический строй и т. п.).

Все эти наблюдения и выводы заставили внести коррективы в представления о литературных взаимоотношениях Жуковского и Пушкина. Тяготее к «батюшковскому» гедонизму в выборе тем и угла зрения на них, Пушкин даже в моменты наибольшего расхождения с Жуковским продолжал признавать себя его учеником (ср. в письме П. А. Вяземскому от мая-июня 1825 г.: «Я не следствие, а точно ученик его <...>. Никто не имел и не будет иметь слога, равного в могуществе и разнообразии слогу его» — Пушкин, XIII, 183). Включив в «Руслана и Людмилу» травестию сюжета «Двенадцати спящих дев», Пушкин в этой поэме выступил как прямой выученик «школы гармонической точности» — и развернувшаяся вокруг нее полемика в значительной мере касалась тех форм поэтического стиля, которые были введены в русскую поэзию Жуковским. К этому следует добавить, что личные отношения с Жуковским уже в лицейские годы приняли для Пушкина форму литературного ученичества и наставничества. Жуковский внимательно и заинтересованно следит за творчеством молодого поэта, читает в рукописи его стихи, позднее вводит его в арзамасский круг; Пушкин адресует ему послания именно как поэтическому учителю («К Жуковскому», 1816; «Жуковскому», 1818) (см.: *Иезутова Р. В.* Жуковский и его время, 1989).

В первые послелицейские годы обозначаются и новые тенденции в литературных взаимоотношениях Пушкина. Более всего он захвачен театральными впечатлениями. Театр сближает его с прежними противниками «Арзамаса» — А. А. Шаховским, П. А. Катениным, А. С. Грибоедовым. Это были не просто личные контакты, но и расширение эстетического диапазона.

Пушкин писал Катенину в феврале 1826 г.: «Многие (в том числе и я) много тебе обязаны; ты отучил меня от односторонности в литературных мнениях, а односторонность есть пагуба мысли» (Пушкин, XIII, 262). «Архаисты» и более всего «младоархаики» (Катенин, Грибоедов) разрабатывали те сферы литературы, которых мало касались поэты «школы гармонической точности»: национальный фольклор, «высокую» библейскую поэзию, трагедию, стремясь найти современные аналоги как античной, так и французской классической трагедии, «простонародной» баллады (Катенин). Этот художественный опыт Пушкин усваивает.

Еще в 1920-е гг. Ю. Н. Тыняновым была поставлена проблема воздействия на Пушкина «архаической» традиции («Архаисты и новаторы», 1929). В дальнейшем она разрабатывалась на разных уровнях; так, В. В. Виноградов подчеркивал ее роль в преодолении Пушкиным ограниченности литературно-языковой реформы Карамзина. Эти положения в целом не требуют пересмотра; однако здесь важно избежать смещения акцентов. Обогащая свою художественную палитру достижениями противоборствующих литературных партий, Пушкин не порывает со школой Батюшкова-Жуковского (как это происходит, например, с Кюхельбекером, перешедшим на позиции младоархаиков). Сложная и чреватая внутренним антагонизмом история его литературных взаимоотношений с Катениным в этом смысле чрезвычайно репрезентативна. Высоко оценивая смелость его литературных поисков, Пушкин тем не менее упрекает его в отсутствии «вкуса и гармонии» (Пушкин, XI, 10). Это отзыв 1820 г., однако карамзинистский критерий вкуса — «чувства соразмерности и сообразности» (Отрывки из писем, мысли и замечания; Пушкин, XI, 52) — остается и позднее одним из основополагающих в пушкинской эстетике.

Совершенно особой сферой, с которой оказалось соотнесенным творчество молодого Пушкина, была сфера гражданской поэзии.

В широком и многообразном социально-литературном движении 1810-1820-х гг. литературе принадлежала роль не только провозвестника и пропагандиста свободолюбивых настроений, но и проводника конкретных социально-политических программ. Эта роль была закреплена уставом «Союза благоденствия» — тайного общества, из которого непосредственно выросла революционная организация декабристов — Северное общество. К. Ф. Рылеев, руководитель последнего, сам был одним из наиболее значительных русских поэтов 1820-х гг. Прямо или косвенно с «Союзом благоденствия» были связаны и петербургские литературные,

театральные и общественные объединения, с которыми близко соприкасался молодой Пушкин. Наиболее значительным из них было Вольное общество любителей российской словесности, издававшее журнал «Соревнователь просвещения и благотворения» («Труды Вольного общества...»). Пушкин не был его формальным членом, но поддерживал литературную и личную связь с его активными участниками и руководителями, примыкавшими к либеральному крылу литературы, — Н. И. Гречем, Н. И. Гнедичем; будущими видными деятелями декабристского движения: Ф. Н. Глинкой, позднее — К. Ф. Рылеевым и А. А. Бестужевым. Высылка Пушкина на юг в мае 1820 г. была отмечена в этом обществе своего рода литературно-политической демонстрацией в защиту и поддержку поэта. История этого общества была прослежена В. Г. Базановым в специальной монографии «Вольное общество любителей российской словесности» (1-е изд. — Петрозаводск, 1949; 2-е изд. — Ученая республика. М.; Л., 1964), где были опубликованы и протоколы заседаний — ценнейший массив документальных материалов, лишь отчасти использованный предшествующими исследователями.

Более тесными узами Пушкин связан в это время с литературно-театральным кружком «Зеленая лампа» и с неформальным объединением, составлявшим домашний круг Н. И. Тургенева (младшего брата А. И. Тургенева), одного из создателей и лидеров Северного общества. «Зеленая лампа», долгое время рассматривавшаяся как кружок разгульной петербургской молодежи, была внимательно изучена П. Е. Щеголевым (Из жизни и творчества Пушкина. М.; Л., 1931; впервые опубл. в 1908 г.), Б. Л. Модзалевским, опубликовавшим важнейшие материалы из бумаг кружка (К истории «Зеленой лампы» // Декабристы и их время. М., 1928. Т. 1), Б. В. Томашевским (Томашевский, 1956); после этих работ общество предстало как объединение с весьма значительной общественной и эстетической программой, близкой к программе «Союза благоденствия»; в него входили записные театралы (Н. Всеволожский, Д. Барков), близкие Пушкину поэты (Ф. Глинка, Н. Гнедич, А. Дельвиг), будущий историк музыки А. Д. Улыбышев и др. С «Зеленой лампой» связан целый ряд посланий Пушкина, где религиозное и политическое вольнодумство соединено с мотивами эротической и вакхической лирики, образуя стилистический сплав (см.: Лотман, 1981. С. 45-47). Напротив, кружок Н. И. Тургенева стимулировал тип «серьезной», социально-философской лирики. Характерным образцом этой последней была ода Пушкина «Вольность» (1817), вдохновленная этим кружком, — одно из самых значительных и популярных произведений «вольной поэзии» 1810-1820-х гг.

«Вольность» и ряд последовавших за ней пушкинских стихов гражданского содержания («Деревня», «К Чаадаеву») во многом определили самую поэтику гражданской лирики 1810-1820-х гг., в частности лирики декабристов. Творчество поэтов-декабристов стало предметом специального изучения уже в начале XX в., когда появились монографические исследования, посвященные Рылееву (В. И. Маслов), А. И. Одоевскому (Н. А. Котляревский) и др., — однако лишь в 1930-е гг. оно стало осмысляться как некая художественная общность. В работах В. Гофмана (Рылеев-поэт // Русская поэзия XIX века. Л., 1929), Б. Мейлаха (Мейлах, 1937), Г. Гуковского (Гуковский, 1965), В. Базанова (Очерки декабристской литературы: Поэзия. М.; Л., 1961) были описаны характерные типологические черты декабристской поэзии: поворот от интимной лирики к жанрам философско-публицистическим, с широким использованием ораторской поэтической речи, ориентация на героические и трагические эпизоды национальной истории, при этом всегда актуализированные и проецированные на современность, социальный дидактизм. С этими последними особенностями были тесно связаны такие характерные черты поэтической речи, как аллюзионность и «слова-сигналы» — метафорические образы с фиксированным политическим смыслом и предопределенным ценностным качеством. Так, «звезда пленительного счастья» в послании «К Чаадаеву» (1818) безошибочно дешифровывалась как «политическая свобода». Примеры такого рода мы в изобилии находим в «Деревне» и других политических стихах Пушкина 1818-1820 гг. В «Вольности» предметом поэтического анализа становятся абстрактные категории, которыми оперировали политические доктрины (в частности, Монтескьё): «Закон», «народ», «природа»; исторические картины

возникают как цепь дидактических примеров для современных «владык». Не будучи декабристом в точном смысле слова (т. е. членом тайного общества), Пушкин дал законченные образцы декабристской политической лирики (Пугачев, 1962; Томашевский, 1956. С. 129-193).

Быстрый рост политического радикализма Пушкина в послелицейский период наложил естественный отпечаток на его литературные взаимоотношения. Более всего это сказалось на его отношении к Карамзину. Карамзин был признанным духовным главой для большинства «арзамасцев»; самый кружок, возникший спонтанно и без ведома Карамзина, функционировал в орбите его литературного воздействия. Преданным адептом Карамзина был В. Л. Пушкин; его ближайшими друзьями были Жуковский, Вяземский (шурин историографа), А. Тургенев. Пушкин, несомненно, слышал о Карамзине (и возможно, видел его) еще ребенком в Москве; многолетний друг и соратник Карамзина, И. И. Дмитриев постоянно бывал в доме Пушкиных. С 1816 г., когда Карамзин переезжает в Петербург и проводит летние месяцы в Царском Селе, Пушкин-лицеист много времени проводит в семейном кругу историографа. Выход «Истории государства Российского» (1818) он воспринимает как научный, литературный и общественный подвиг; однако уже к этому времени он начинает (не без влияния младшего тургеневского кружка) осознавать неприемлемость для себя консервативности общественной позиции Карамзина, в частности защиты и обоснования им самодержавной формы правления как оптимальной для России. Свидетельством этих расхождений становится, в частности, известная эпиграмма Пушкина на Карамзина «В его Истории изящность, простота...» (1818); до нас дошли также глухие и разрозненные сведения о его политических спорах с Карамзиным (Томашевский, 1956. С. 222-227; Эйдельман, 1987. С. 177-259).

Все эти многообразные и на первый взгляд противоречащие друг другу эстетические ориентации интегрировались творческой личностью Пушкина, образуя из гетерогенных элементов единую художественную систему. Как творческая индивидуальность Пушкин уже в начале 1820-х гг. перерастал своих современников. Это понимали наиболее проницательные из них — «арзамасцы» Жуковский и Вяземский и новая генерация поэтов, вышедших из лицейской среды.

Последняя группа, включавшая вначале А. А. Дельвига и В. К. Кюхельбекера, к которым затем присоединились Е. А. Баратынский и П. А. Плетнев (не принадлежавшие к лицеистам), составила неформальное объединение, получившее обозначение «союз поэтов». Формула эта восходила к поэтическим декларациям самого Пушкина («святое братство» в стих. «Кюхельбекеру», 1817), Кюхельбекера (ср. его обращение к Дельвигу, Баратынскому и Пушкину в стих. «Поэты» (1820): «Так! не умрет и наш союз, Свободный, радостный и гордый, И в счастье и в несчастье твердый, Союз любимцев вечных муз!»); Дельвига, первым, еще в Лицее, предсказавшего Пушкину поэтическую славу («На смерть Державина», 1816). Она варьировалась и в многочисленных памфлетах и пародиях литературных противников. Иногда «союз поэтов» определяли как «новую школу», порожденную Батюшковым и Жуковским, что соответствовало действительности: как и Пушкин, молодые поэты восприняли принципы «вкуса» и новое понимание сущности поэтического слова с его метафорическими коннотациями, тяготение к жанру дружеского послания и элегии; они унаследовали от раннего Батюшкова и повышенный интерес к художественным формам античной антологии и гедонистические тенденции (Дельвиг). Анакреонтическая и эротическая стихия, культ радости, молодости и поэзии сочетались в их творчестве с элегическими мотивами, как это было и у раннего Пушкина, которого они единодушно признали своим поэтическим главой. Это была поэзия романтического жизнеутверждения, противостоявшая традиционно установленным литературным нормам и почти сразу же вызвавшая реакцию: «сладолюбивые», «вакхические» поэты воспринимались — и не без основания — как выразители либерализма в общественной жизни и литературе. Наряду с «арзамасцами» этот круг, центром которого стал Дельвиг, составил ближайшую литературную среду Пушкина.

В мае 1820 г. Пушкин, чьи политические стихи обратили на себя внимание правительства, был выслан из столицы — в фактическую ссылку, оформленную как перевод на новое место службы. Он живет в Кишиневе, в Одессе, — откуда его отправляют уже официально в ссылку, под полицейский надзор, в имение отца Михайловское. На шесть с половиной лет он оказывается удаленным от активной литературной жизни обеих столиц. За это время выходят в свет «Руслан и Людмила» (1820), «Кавказский пленник» (1822), «Бахчисарайский фонтан» (1824), первая глава «Евгения Онегина» (1825), наконец, «Стихотворения Александра Пушкина» (1826; вышло 30 декабря 1825 г.) — [издание], сосредоточившее лучшую часть его раннего лирического творчества. В это время заканчивается творческое созревание Пушкина. Европейская и русская политическая жизнь вносит коррективы в его представления о движущих его социальных механизмах; радикализм его общественной позиции, достигающий апогея в начале 1820-х гг., сменяется «кризисом 1823 года», результатом которого был рост исторического сознания. Это заставляет его переоценивать проблемы личности и среды, деятеля и народной массы — т. е., по существу, самые основы просветительского мирозерцания — и соответственно менять сложившуюся аксиологическую шкалу.

Южный период творчества Пушкина начинается под знаком Байрона. Тип «современного человека», представленный байроновским Чайльд Гарольдом, отразился в «Кавказском пленнике» — поэме, снискавшей особую популярность у либеральной молодежи, чьи умонастроения попадали в резонанс духовному облику разочарованного героя, добровольного изгнанника, одушевленного «веселым призраком свободы». «Кавказский пленник» открывал серию пушкинских поэм, типологически близких восточным поэмам Байрона. Проблематика и поэтика их были исследованы В. М. Жирмунским (Байрон и Пушкин, 1924, переизд. 1978), определившим и роль Пушкина в становлении и развитии русской байронической поэмы; это воздействие ощущается как в ранних классических образцах типа «Чернеца» И. И. Козлова (1823-1824, отд. изд. 1825) и «Войнаровского» Рылеева (1823-1824, отд. изд. 1825), так и в поздних поэмах Лермонтова, где русский байронизм достигает своей вершины.

Поэмы Пушкина окончательно закрепили победу романтического движения и дали мощный толчок теоретической мысли. Уже в 1822 г. П. А. Вяземский выступает с подробным разбором «Кавказского пленника»; близкий в это время к критикам декабристского крыла литературы, Вяземский подчеркивает общественное значение «повести» и самого характера Пленника; тесная связь с духовной жизнью русского общества, по мысли Вяземского, делает произведение Пушкина сугубо национальным явлением. Издание «Бахчисарайского фонтана» было предварено обширным предисловием Вяземского «Разговор между Издателем и Классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова», написанным по прямой просьбе Пушкина. Здесь Вяземский поднимал проблему народности литературы и с полемической резкостью выступал против эстетического нормативизма «классиков», оплотом которых был не называемый им прямо журнал «Вестник Европы», редактировавшийся М. Т. Каченовским.

Вяземский был наиболее близким Пушкину критиком романтической ориентации, хотя их позиции совпадали далеко не во всем; так, Пушкин отнюдь не склонен был разделять подчеркнутую лояльность Вяземского к наиболее значительным величинам уходящей литературной эпохи — В. А. Озерову, И. И. Дмитриеву; однако именно Вяземского Пушкин рассматривает в это время как своего основного эпистолярного собеседника по вопросам сущности романтического движения (см. его письма к Вяземскому 1822-1826 гг.: Переписка. П., 1982. Т. 1. С. 147-253; ср. Мордовченко, 1959. С. 280-313; Гиллельсон, 1969. С. 76-84, 97-127; статьи о Пушкине перепечатаны: П. в прижизненной критике, 1996). Другим критиком, чьи статьи служили отправной точкой для собственных пушкинских размышлений, был А. А. Бестужев, автор литературных обзоров в альманахе «Полярная звезда». Обзоры Бестужева были обоснованием декабристского понимания романтической литературы; подобно Вяземскому, он отправлялся от критерия национальности и гражданственности. Бестужев ставил и общие проблемы развития литературы, смены ее исторических эпох, соотношения с

литературной критикой и т. д., и его суждения служили Пушкину и точкой притяжения, и точкой отталкивания: многие из критических статей Пушкина, начатые или задуманные в первой половине 1820-х гг., представляли собою их развитие или развернутое опровержение.

Письма Пушкина Вяземскому, Бестужеву и Рылееву, написанные на юге и в михайловской ссылке, — органическая часть русской критической литературы романтического направления. По-видимому, такой же характер имели его письма к Дельвигу, от которых до нас дошла лишь небольшая часть. Естественно, что предметом обсуждения в них нередко являлось творчество самого Пушкина. И Вяземский, и Бестужев, и Рылеев рассматривали его как одно из высших достижений современной романтической литературы, подчеркивая его социальное звучание; как Вяземскому, так и декабристской критике был присущ особый интерес к проблеме «литература и общество». Поэмы Пушкина, в центре которых стояла сильная личность с трагической судьбой, отторгнутая обществом и в свою очередь отвергнувшая его, соответствовали эстетическим устремлениям декабристского романтизма. Этими истоками питалось их увлечение поэзией и самой личностью Байрона, в котором видели воплощение поэта-свободолюбца. Между тем уже в «Цыганах» (1823-1824, отд. изд. 1827) Пушкин подвергает ревизии тип байронического героя-индивидуалиста, подчеркивая детерминирующую роль сформировавшей его среды. Когда же вышла первая глава «Евгения Онегина», где проблема «личность и среда» стала непосредственным предметом художественного исследования, пути Пушкина, с одной стороны, и Бестужева и Рылеева — с другой, резко разошлись. «Человек света» в его ординарности для декабристского романтизма мог быть объектом лишь сатирического изображения. В неприятии «Онегина» сказались просветительские основы эстетической системы, требовавшей социальной и исторической дидактики; между тем как раз от этой системы Пушкин отходит в южный период своего творчества. «Спор об Онегине», начатый в переписке Пушкина с Бестужевым и Рылеевым, был в дальнейшем продолжен в поздних повестях Бестужева (уже писавшего под псевдонимом Марлинский: *Базанов В. Г. Очерки декабристской литературы*, 1953. С. 406-418); он рассматривается обычно как спор романтиков с формирующимся реалистическим методом. Такое понимание нуждается, однако, в коррективах. Историческое и диалектическое мышление было как раз завоеванием романтизма; социальная дидактика оставалась наследием доромантической просветительской литературы — и именно эта последняя оказывается неприемлемой для Пушкина к середине 1820-х гг. Своего рода итогом этого этапа его эволюции стала трагедия «Борис Годунов» (1824-1825, опублик. 1830).

«Борис Годунов» был прямо противопоставлен Пушкиным существовавшей драматургической традиции. «Романтическая трагедия», ориентированная на хроники Шекспира, демонстративно игнорировавшая требования единства времени и места, чередовавшая сцены в прозе и стихах, противостояла нормам классической трагедии; конфликт между сильным, мудрым и просвещенным правителем и надличным «мнением народным» — аналогом античного рока — воскрешал некоторые черты трагедии античной в том ее понимании, какое установилось в теоретических трудах романтической школы (А. В. Шлегель и др.); наконец, в исторических реалиях, изображении быта и нравов начала XVII в. и в особенности в концепции народа как конечной движущей силы исторического процесса Пушкин во многом опирался на «Историю государства Российского» Карамзина, широко используя приводимые в ней источники. Есть основания думать, что именно в период работы над трагедией изменяется угол зрения Пушкина на «Историю» Карамзина: вопрос о политической позиции историка отходит на второй план, на первый же выдвигается затронутая им собственно историческая, моральная и философская проблематика (см. в наст. изд. раздел о драматургии Пушкина). Пушкин отнюдь не следует Карамзину слепо; как и ранее, концепция «Истории...» входит как одна из образующих в систему его мировоззрения. Его интересует прежде всего механизм исторического процесса, общие законы, им управляющие; в число этих законов входят и интересы разных социальных групп. Этот социологический аспект исторической трагедии Пушкин специально подчеркивал; повышенное внимание к нему предопределило в ближайшие

годы его высокую оценку трагедии М. П. Погодина «Марфа, посадница Новгородская» (1830, отд. изд. 1831).

Михайловская ссылка приблизила Пушкина к столицам и несколько облегчила его литературные контакты. «Стихотворения Александра Пушкина» готовят к изданию в Петербурге Плетнев, Дельвиг и брат Пушкина Лев; Дельвиг посещает Пушкина в Михайловском. Пушкин продолжает сотрудничество с петербургскими изданиями, прежде всего с альманахом Бестужева и Рылеева «Полярная звезда» и с «Северными цветами» — альманахом, издававшимся Дельвигом с 1825 г.; в последнем, помимо самого издателя, принимали участие Баратынский, Плетнев, Жуковский, Вяземский, Гнедич, Крылов и др. Устанавливаются и новые связи: с 1825 г. в Москве начинает выходить журнал «Московский телеграф», основанный Н. А. Полевым при ближайшем сотрудничестве Вяземского.

«Московский телеграф» сразу же заявил о себе как о последовательном стороннике новейшего романтизма, с независимой и остро полемической позицией. Издатель его, Николай Полевой, интеллигент из купеческой среды, был человеком энциклопедических интересов и широких, хотя и не слишком глубоких, знаний, приобретенных самообразованием; он выступил как талантливый журналист и критик, памфлетист, романист, историк и политический публицист, ориентированный на французскую романтическую историографию, философию, социологию и литературу. Уже в первые годы своего существования «Московский телеграф» стал едва ли не самым популярным в России литературным журналом энциклопедического характера, знакомящим читателя с новостями европейской литературной и общественной жизни. Полевой заявил себя горячим поклонником и пропагандистом поэзии Пушкина, и Вяземский настойчиво пытался привлечь Пушкина к сотрудничеству в «Московском телеграфе».

Пушкин готов был поддержать журнал Полевого; он отдал в него несколько стихотворений и критических статей, но к общей позиции журнала отнесся сдержанно. Его настораживала поверхностность и, как ему казалось, недостаточная подготовленность Полевого-журналиста и критика в сочетании с императивностью суждений и оценок, опрометчивость его суждений о предшествовавшей литературной традиции, которую он пересматривал в соответствии со сложившейся у него аксиологической шкалой. В дальнейшем это недоверие еще более укрепилось. Пушкин рассчитывал на создание собственного журнала, который бы объединил близкие ему литературные силы, о чем он писал Вяземскому еще в 1824 г. (письмо от 7 июня 1824 г. — Пушкин, XIII, 96-97); по его замыслу, состав участников должен быть достаточно широк. Реальность такого журнала была, однако, эфемерной, пока сам он находился в ссылке; из существовавших же периодических изданий «Московский телеграф» оказывался ему ближе других: уже в 1828 г. он пишет М. П. Погодину (журнальному противнику Полевого): «Телеграф добрый и честный человек и с ним я ссориться не хочу» (Пушкин, XIV, 21). Статьи о Пушкине из «Московского телеграфа» 1825-1827 гг. перепечатаны: П. в прижизн. критике, 1996; здесь же (с. 485-486) — справка об отношениях Пушкина с журналом в это время, с литературой вопроса.

Восстание 14 декабря 1825 г., волна последовавших репрессий, суд и следствие над декабристами резко изменили общественную и литературную ситуацию в России. Из жизни или из активной деятельности были вырваны Рылеев (казненный 13 июля 1826 г.), заключенные или сосланные Бестужев, Кюхельбекер, Ф. Глинка; прекратился альманах «Полярная звезда»; прежде либеральные издатели журнала «Сын отечества» и газеты «Северная пчела» Н. И. Греч и Ф. В. Булгарин быстро эволюционировали в сторону официозного правительственного курса. В этих условиях неожиданно для Пушкина совершилось его освобождение: автор антиправительственных стихов, фигурировавших в показаниях участников тайных обществ как один из источников вольномыслия, он был в сентябре 1826 г. привезен в Москву на аудиенцию к новому императору. Николай I, стремившийся нейтрализовать и даже привлечь к себе лучшие силы прежней оппозиции, вернул Пушкина из ссылки и дал ему возможность печататься под

его личной цензурой (эта прерогатива впоследствии поставила Пушкина в ситуацию двойного цензурного надзора).

Москва с триумфом встретила освобожденного Пушкина. В нескольких домах устраиваются чтения «Бориса Годунова», получающие широкий резонанс. Чтения эти проходят на фоне растущего интереса к исторической трагедии (так, одновременно с «Годуновым» публике становится известна трагедия А. С. Хомякова «Ермак», выдержанная в стилистике лирической драмы); новаторство Пушкина в этих условиях ощущается ясно, но принимается далеко не всеми. Восторженных ценителей своего творчества Пушкин находит в кружке «любомудров» (Д. В. Веневитинов, С. П. Шевырев, М. П. Погодин, В. П. Титов; уехавший к этому времени в Петербург В. Ф. Одоевский) — сторонников немецкой романтической философии (прежде всего Шеллинга), с обостренным интересом к проблемам общей эстетики и философии искусства, живописи, музыки, истории и фольклора. Это были как раз те проблемы, которые занимали и Пушкина в середине 1820-х гг.; сближение происходит на основе общности интересов и занятий. Возникает мысль об издании журнала с участием Пушкина. Так появляется на свет «Московский вестник» (1827-1830). Этот этап взаимоотношений довольно полно отражен в воспоминаниях и дневниках Погодина (см.: П. в восп. Т. 2, 1974, и Т. 2, 1985) и в фундаментальной многотомной монографии Н. П. Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина» (Т. 1-22. СПб., 1888-1910) — вероятно, единственной в русском литературоведении биографической хронике такого объема, дающей панораму литературной жизни 1810—1860-х гг. и обильно использующей неизданный материал.

Деятельность любомудров, из числа которых вышли столь значительные деятели культуры, как Веневитинов, Шевырев, Погодин, В. Ф. Одоевский, и к которым примыкали А. С. Хомяков и И. В. Киреевский, интенсивно изучалась уже в XIX в. Мы располагаем собранием сочинений и писем Д. В. Веневитинова (Полн. собр. соч. М., 1934; Стихотворения. Проза. М., 1980), А. С. Хомякова (Полн. собр. соч. Т. 1-8. М., 1900—1907; Стихотворения и драмы. Л., 1969), И. В. Киреевского (Полн. собр. соч. Т. 1-2. М., 1911; Критика и эстетика. М., 1979); переизданы избранные сочинения Погодина (Повести и драма. М., 1984). Значительно хуже издано и изучено наследие С. П. Шевырева: в 1939 г. вышли отдельным изданием его «Стихотворения» со вступительной статьей и комментариями М. И. Аронсона; многочисленные его статьи и рецензии остаются несобранными; обширный дневник опубликован лишь в своей незначительной части. Наибольшее число работ и изданий текстов связано с именем В. Ф. Одоевского (см. ниже).

Все эти издания составляют базу для реконструкции философско-эстетической позиции кружка. Философский аспект его деятельности был рассмотрен З. А. Каменским в монографии «Московский кружок любомудров» (М., 1980), со специальными главами, посвященными философии В. Ф. Одоевского и Д. В. Веневитинова; преимущественно эстетический — в монографии Ю. В. Манна «Русская философская эстетика» (М., 1969) (рассматривается творчество Веневитинова, И. Киреевского, В. Ф. Одоевского, молодого Шевырева). При этом оба исследователя с полным основанием включают в сферу своего изучения критическое творчество Н. И. Надеждина: издатель «Телескопа» (1831-1836), дебютировавший на страницах «Вестника Европы» Каченовского как непримиримый противник «романтизма», поместивший здесь в 1829 г. резкие и оскорбительные разборы «Графа Нулина» и «Полтавы», адресат эпиграмм Пушкина, был не «классиком», отстававшим от живого движения литературы, а создателем особой философско-эстетической системы, соприкасавшейся с философской эстетикой любомудров. Сборник критических статей Надеждина (*Надеждин Н. И. Литературная критика. Эстетика.* М., 1972) был подготовлен Ю. В. Манном; изучение его поэзии, начатое еще в 1912 г. монографией Н. К. Козмина (Николай Иванович Надеждин: Жизнь и научно-литературная деятельность: 1804-1836. М., 1912), было в новейшее время продолжено в работах Ю. В. Манна и небольшой книге З. А. Каменского «Н. И. Надеждин» (М., 1984).

Нам важно упомянуть здесь и сравнительно немногочисленные работы, посвященные поэзии любомудров, — книги Л. Я. Гинзбург «О лирике» (1964, 2-е изд. — Л., 1974) и Е. А. Маймина «Русская философская поэзия: Поэты-любомудры, А. С. Пушкин, Ф. И. Тютчев» (М., 1976).

Весь этот массив опубликованных и проанализированных материалов достаточен, чтобы представить себе общую позицию кружка, с которым Пушкин вступил в литературную связь, — но самый характер этой связи, ее динамика и эволюция еще требуют детального и фронтального изучения. Отношения Пушкина с «Московским вестником» складывались далеко не безоблачно. Какое-то время он надеялся, что получил наконец «свой» журнал и более или менее постоянный доход от участия в издании, — но ни тот, ни другой расчет не оправдались до конца. Возникали организационные и финансовые затруднения (Лит. наследство. Т. 16-18. М., 1934. С. 679-724; Т. 58. М., 1952. С. 68-70); вскоре обозначились и литературные расхождения. Эстетическая позиция любомудров была достаточно жестка; подобно Полевому, хотя и по иным критериям, они критически оценивали современную литературу, отвергая все то, что не соответствовало их эстетическим установкам. Так, на страницах «Московского вестника» появились отрицательные или холодные отзывы о поэзии Баратынского (Шевырев) и Дельвига, весьма ценимой Пушкиным. Несколько раз Пушкин вынужден был вмешиваться в политику журнала — то печатая в нем, несмотря на сопротивление Погодина, эпиграмму на А. Н. Муравьева («Из Антологии»), то требуя исключить из статьи Одоевского неуважительные, по его мнению, отзывы о Державине и Карамзине. Уже в начале марта 1827 г. Пушкин пишет Дельвигу: «Ты пеняешь мне за Моск. <овский вестник> — и за немецкую метафизику. Бог видит, как я ненавижу и презираю ее <...>» (Пушкин, XIII, 320). Со своей стороны любомудры, признавая за поэзией Пушкина совершенство формы, не находят в ней необходимой философской глубины; в их переписке и дневниках нередки весьма критические оценки Пушкина.

Взаимная неудовлетворенность не превращала, однако, Пушкина и любомудров в идейных антагонистов. Острый интерес Пушкина вызывали, например, исторические штудии Погодина, и в частности его опыты исторической трагедии (Серман, 1969); как и любомудры, он искал выходов в область философии истории, сосредоточиваясь на близких проблемах (исторической закономерности и случайности, причинно-следственных отношений в историческом процессе), но часто с отличным результатом (Тойбин, 1980). Несмотря на полемическую декларацию в письме к Дельвигу, ему не были чужды и принципы философской эстетики любомудров, в среде которых даже возникло представление о прямом воздействии на Пушкина шеллингианской философии; поддержанная П. В. Анненковым и рядом последующих исследователей, эта концепция подверглась критике лишь в 1930-е гг. (см.: П. Итоги. С. 215-217). Вопрос этот, однако, сложен и не может считаться решенным до конца: и в творчестве Пушкина этого времени, и в его эстетических воззрениях обнаруживаются следы восприятия идей, исходящих из среды любомудров; как и ранее, они интегрируются общей системой пушкинского мировоззрения.

Особую проблему составляет отношение Пушкина к литературной программе любомудров, в частности к их философской поэзии.

Любомудры хотели бы видеть в Пушкине «философского поэта» в своем понимании. Отсюда и обращенные к нему послания-декларации («К Пушкину» Веневитинова, «Послание к А. С. Пушкину» Шевырева). Шевырев намечал программу дальнейшей деятельности Пушкина: реформа русского стихосложения (с обращением к усложненной, «метафизической» поэзии), разрыв с «эпигонами» (под которыми понимались и неназванные Дельвиг и Баратынский), поэтический альянс с Н. М. Языковым. Эти ожидания оправдывались лишь отчасти. Ценил поэзию Веневитинова, поддерживая эксперименты Шевырева («Я есмь», «Мысль», которую Пушкин называл «одним из замечательнейших стихотворений текущей словесности», — Пушкин, XIV, 21), Пушкин в своем собственном творчестве сохранял принципы «школы гармонической точности» (Аронсон, 1939; Маймин, 1969).

Различие поэтических методов Пушкина и Любомудров в свое время тонко почувствовал Ю. Н. Тынянов, положивший его в основу своей интерпретации ранних литературных взаимоотношений Пушкина и молодого Тютчева. В рецензии на «Денницу» 1830 г. Пушкин упоминает Шевырева, Хомякова и Тютчева с замечанием «Истинный талант двух первых неоспорим» (Пушкин, XI, 105), тем самым как бы исключая Тютчева из числа талантливых поэтов. Это дало возможность Тынянову поставить вопрос о литературном антагонизме (Тынянов, 1968. С. 166-191; впервые опубликовано в 1926). Такое представление держалось долго, хотя и с существенными коррективами; лишь в последнее время Л. С. Сидяков показал, что фраза Пушкина, по существу, является конспектом соответствующего места статьи И. Киреевского в «Деннице», а не оригинальным суждением Пушкина (Сидяков, 1983, с библиографическими предшествующих работ). И в этом случае разница исходных поэтических принципов не стала основанием для конфронтации; через шесть лет Пушкин будет печатать стихи Тютчева в «Современнике».

Окончательный отход Пушкина от «Московского вестника» обозначается в 1829 г. В это время Пушкин уже живет в Петербурге и предпринимает шаги к созданию собственного периодического издания.

Пушкин вернулся в свою ближайшую литературную среду, центром которой оставался дом Дельвига. Альманах «Северные цветы» в это время сосредоточил лучшие литературные силы обеих столиц. Помимо литераторов старшего поколения, в нем участвует и талантливая молодежь: М. Д. Деларю, А. И. Подолинский, Е. Ф. Розен (почти сверстник Дельвига, но поздно начавший свою литературную деятельность), В. Н. Щастный. С 1829 г. в нем печатает свои ранние опыты Н. В. Гоголь. История «Северных цветов» (1826-1832) — это, по существу, история пушкинского круга писателей в наиболее активный период его существования (Mersereau, 1967; Вацура, 1978; Северные цветы, 1980).

К концу 1829 г. в этом кругу зарождается «Литературная газета» (1830-1831). В ее № 3 была напечатана анонимно заметка Пушкина «В одном из наших журналов...», где были сформулированы задачи газеты. Пушкин видел их в создании принципиальной критики, стимулирующей развитие литературы. Самая газета рассматривалась как трибуна писателей, «не могших по разным отношениям являться под своим именем ни в одном из петербургских или московских журналов» (Пушкин, XI, 89). Пушкин осуществлял свой давний план: консолидации и в то же время обособления близкого себе писательского круга, который, впрочем, мыслился достаточно широким (так, в газете печатались «Размышления и разборы» Катенина). Заметка эта была воспринята как декларация элитарной замкнутости даже близкими Пушкину изданиями, каким был «Московский вестник». Позицию газеты определяли критические статьи Пушкина (в бытность его в Петербурге — до начала марта и с середины июля до середины августа 1830 г.), Дельвига и Вяземского. Первые 13 номеров газеты (когда в ней наиболее интенсивно участвовал Пушкин) в настоящее время переизданы (Литературная газета А. С. Пушкина и А. А. Дельвига. 1930 год. № 1-13. М., 1988); кроме того, существует роспись содержания газеты с комментариями (Блинова, 1966).

Наиболее резко отреагировала на появление нового издания «Северная пчела» Греча и Булгарина, усмотревших в нем своего прямого конкурента и литературного противника. В самом деле: значительная часть наиболее острых полемических выступлений газеты адресовалась Булгарину. История, этапы и смысл полемики Пушкина с Булгариным в 1830-1831 гг. привлекали к себе внимание исследователей уже с конца XIX в. (Сухомлинов, 1889. С. 267-300; Лемке, 1908. С. 232-358; Вл. Гиппиус, 1900; Каллаш, 1904; Столпянский, 1914/16; Фомин, 1911; Гиппиус, 1941, — наиболее полный и основательный анализ). Внешняя сторона ее изучена сейчас достаточно подробно. Основным предметом внимания был политический смысл полемики, которая приобрела особую резкость с появлением пасквильного «Анекдота» Булгарина (11 марта 1830 г.) о байроническом поэте, бросающем рифмами во все священное, чванящемся перед чернью вольнодумством и заискивающим перед сильными; вслед за этим Булгарин печатает резко отрицательный отклик на «Онегина». Ответом была статья Пушкина

о Видоке — полицейском сыщике, на досуге занимающемся литературой, — прямой намек на связь Булгарина с III отделением, в функции которого входил политический сыск.

Между тем это лишь одна, хотя и весьма существенная сторона дела. Корни антагонизма лежали глубже. Одиозность репутации Булгарина мешала объективному исследованию и затрудняла воссоздание картины во всем ее многообразии; достаточно сказать, что мы до сих пор не имеем ни сколько-нибудь полной биографии Булгарина, ни детального анализа его литературной деятельности. Архив Булгарина, содержащий ценнейшие (в частности, эпистолярные) материалы, в настоящее время утрачен, — но и обширный печатный материал «Северной пчелы» обследован неполно и выборочно. Такая работа настоятельно необходима: лишь фронтальное, широко документированное исследование «феномена Булгарина» позволит ясно представить себе процессы, шедшие в русском обществе и литературе с начала 1820-х гг. С именем Булгарина неразрывно связано формирование литературы, принципиально ориентированной на вкусы и запросы «массового» читателя, «среднего слоя» — мелкого чиновника, провинциального помещика, городское мещанство, грамотное крестьянство. Ее особенностью было дидактическое бытописание (изображение нравов), с четким разделением на персонажей положительных и отрицательных (очень часто наделенных и значащими именами), авантюрная интрига, нередко мелодраматизм. «Нравственно-сатирический роман» Булгарина, образцом которого был его «Иван Выжигин» (1829), построен на этих принципах, воскрешавших архаические модели сатирической журналистики полувекковой давности. Лишенный психологических характеристик, выдержанный в пределах нейтральной стилиевой нормы, он тем не менее имел необычайный успех в той читательской среде, на которую был рассчитан и которая была привычна именно к такого рода литературе. Это была «коммерческая словесность», прообраз последующей массовой культуры, органически враждебной элитарной культуре пушкинского круга. Вокруг «Ивана Выжигина» и нравственно-сатирического романа и завязалась первоначально полемика, приобретающая затем черты открытого социального антагонизма. Еще в 1826 г. в записке о цензуре, поданной им в III отделение, Булгарин давал своего рода социальный разрез общества: истинной опорой правительства и гарантией социальной стабильности он объявлял «средний класс»; «знатные и богатые» были в его изображении постоянным источником оппозиционных настроений, аморализма, религиозного вольнодумства и т. п. (Русская старина. 1900. № 9. С. 580). Апеллируя к «вкусу публики», читающей и «раскупающей» его сочинения, Булгарин имел в виду именно этот «средний класс»; «аристократия», к которой он относил и пушкинский круг, должна была естественно сойти с исторической арены.

Эта концепция консервативного демократизма парадоксально сближала Булгарина с Н. Полевым, приходившим к подобным же выводам с позиций прямо противоположных: сторонник обновления общества на буржуазно-демократических началах, видевший в третьем сословии основную движущую силу новой европейской истории, Полевой нес в своем мировоззрении начала буржуазного радикализма и с еще большей энергией, нежели Булгарин, вел борьбу против «аристократии» в культуре и социальной жизни. В отличие от Булгарина, Полевой был человеком драматической судьбы: «Московский телеграф», в течение нескольких лет вызывавший раздражение правительства, был в 1834 г. запрещен; издатель его, некогда независимый журналист, со значительным состоянием и широкими планами, превратился в официозного драматурга, полунищего журнального поденщика. В 1829-1831 гг., однако, этот печальный конец был еще впереди; в 1829 г. Полевой выступает с критическим разбором «Истории государства Российского» Карамзина и вслед за тем начинает издавать свою «Историю русского народа», стремясь пересмотреть труд Карамзина с позиций французской романтической историографии (Т. I-VI. М., 1829-1833; переизд.: Т. 1-3. М., 1997; ср. Шикло, 1981). В рецензиях и обзорах «Московского телеграфа» он последовательно проводит «антиаристократическую» точку зрения.

Наследие Полевого изучено лучше, чем булгаринское. Существует превосходно комментированное издание записок его брата, Кс. Полевого, подготовленное В. Н. Орловым и

концентрирующее биографический и историко-литературный материал о Полевом, известный к началу 1930-х гг. (Полевой, 1934); литературной его позиции была посвящена монография Н. К. Козмина «Очерки по истории русского романтизма: Н. А. Полевой как выразитель литературных направлений современной ему эпохи», вышедшая еще в 1903 г. В последние десятилетия В. Г. Березиной и В. А. Салинкой была произведена атрибуция анонимных статей в «Московском телеграфе» (сводную библиографию со ссылками на источники атрибуций см. в: Шикло. С. 177-222); вышел сборник критических статей Н. А. и Кс. А. Полевых (*Полевой Н. А., Полевой Кс. А.* Лит. критика, 1990).

Все эти публикации и исследования позволяют яснее представить себе характер и происхождение журнального союза Полевого и Булгарина, заключенного против «Литературной газеты», и индивидуальные позиции участников полемики. При всей своей остроте борьба с Полевым не принимала памфлетных форм. На выход в свет «Истории русского народа» Пушкин откликнулся серьезной рецензией, сдержанной по тону и содержащей едва ли не единственную в литературе тех лет попытку принципиальной полемики с основами исторической концепции Полевого; Пушкин возражал против перенесения на русский исторический процесс конечных выводов французской историографии; он ставил вопрос об особенностях национального развития и о судьбах социальных групп, в первую очередь дворянства. Этот последний вопрос, собственно, и был центральным в полемике о литературном аристократизме: «Литературная газета» последовательно отводила обвинения в сословных пристрастиях, подчеркивая в то же время, что именно просвещенное дворянство является прежде всего хранителем исторической и культурной традиции и тех норм социальной этики, которые позволяют ему сохранять относительную независимость от правящих верхов (подробнее об этой полемике см.: П. Итоги. С. 220-225). В этих спорах вырабатывалась историческая и социальная концепция Пушкина, получившая отражение в набросках критических статей и повестей 1829-1830-х гг.; следы ее есть и в «Медном всаднике».

«Литературная газета» просуществовала недолго. Ее полемические выступления привлекли внимание правительства, подозревавшего Пушкина, Дельвига, Вяземского в оппозиционных настроениях; в 1830 г. она была закрыта и возобновилась уже под редакторством О. М. Сомова, а в январе 1831 г. неожиданно скончался Дельвиг. Эта смерть стала непоправимым ударом для всего кружка.

Внутренняя дифференциация в нем началась еще при жизни Дельвига. Она обострялась внутривидовой ситуацией. Так, польское восстание 1830 г. вызвало разногласия между Пушкиным и Вяземским; они вылились в открытые споры, затрагивавшие и более широкие вопросы исторических путей России. Вяземский, убежденный «западник», гораздо лояльнее, чем Пушкин, относился к выступлениям польских инсургентов; Пушкин, для которого на первый план в это время выходит специфичность национального развития, резко реагирует на них и в особенности на пропольские и антирусские настроения во Франции. Этот спор, зафиксированный записными книжками Вяземского, свидетельствами современников (А. И. Тургенев, Н. А. Муханов) и стихами Пушкина, стал первообразом будущих полемик западников и славянофилов (Новонайденный автограф, 1968). Смерть Дельвига ускорила распад кружка; отчасти с нею был связан новый этап во взаимоотношениях Пушкина и Баратынского.

История этих взаимоотношений выходит далеко за пределы личных связей поэтов и представляет собою одну из линий общей литературной эволюции. Баратынский, начавший свой литературный путь под руководством Дельвига как ученик и последователь Пушкина, уже в ранних своих стихах начинает освобождаться от этого влияния, а в финский период своего творчества (1820-1824) утверждает себя как самостоятельная и значительная литературная величина. Он выступает преимущественно как элегический поэт, создавший новый тип элегии, где сама эмоция лирического субъекта становится предметом беспощадного рационального анализа. Элегии Баратынского вызывают восторг Пушкина, предрекающего ему одно из первых мест в ряду русских элегических поэтов. Пушкин видит в них соединение «вкуса» и «мысли» и решительно возражает критикам, недооценивающим его творчество (Шевырев). Безусловное

одобрение Пушкина вызывает романтическая поэма «Эда» (1824; отд. изд. 1826): «произведение <...> замечательное оригинальной своею простотою, прелестью рассказа, живостью красок — и очерком характеров...» (Пушкин, XI, 74). Что же касается Баратынского, то уже в «Эде» он ставит своей целью выйти за пределы пушкинской традиции; в предисловии к первому изданию он замечает, что «не принял лирического тона в своей повести, не осмеливаясь вступить в состязание с певцом «Кавказского пленника» и «Бахчисарайского фонтана»» и что «следовать за Пушкиным ему показалось труднее и отважнее, нежели идти новою собственною дорогою» (*Баратынский Е. А.* Полн. собр. стих. Л., 1957. С. 383; сопоставление «Эды» с «Кавказским пленником» см., напр.: Тойбин, 1988. С. 124-146). Новаторство «Эды» критикой не было понято; поэма рассматривалась как подражательная по отношению к Пушкину. Существует мнение, что именно эта «творческая трагедия» «усложнила отношения Баратынского и Пушкина, по существу до конца жизни оставшиеся дружескими» (Медведева, 1936. С. LXXI). В 1826 г. они дружески общаются в Москве; однако к концу 1820-х гг. в самом деле обнаруживаются легкие симптомы взаимного охлаждения. В начале XX в. оно получило примитивно-биографическое объяснение: возникла легенда о «зависти» Баратынского к Пушкину, впрочем, уходящая своими корнями в прижизненные толки о взаимоотношениях поэтов (новейший разбор легенды и наиболее полную сводку фактических данных о взаимоотношениях поэтов см.: Песков, 1995/1996). Отдаление Баратынского от Пушкина и его ближайшего окружения должно быть оценено, однако, в первую очередь как факт историко-литературный: во второй половине 1820-х гг. Баратынский вступает в новый период своего творчества; его философская поэзия этого времени возникает уже на иных основах, нежели пушкинская, и с этих новых позиций он производит переоценку традиции. Очень характерное письмо его к И. В. Киреевскому (март 1832 г.) с характеристикой «Евгения Онегина» как произведения «подражательного» и «ученического» (*Баратынский Е. А.* Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. М., 1987. С. 237) является свидетельством такой переоценки, как пушкинского творчества, так и своих собственных ранних мнений; одновременно Баратынский меняет и свою литературную среду. Смерть Дельвига обрывает его петербургские связи; самым близким ему литератором в начале 1830-х гг. становится И. В. Киреевский. В 1839 г. он напишет Плетневу: «Давно, давно нет между нами никаких сношений; зато давно, давно я не пишу стихов, и мной оставлен тот мир, в котором некогда мы сошлись и сблизились» (там же, с. 264). Гибель Пушкина глубоко потрясла Баратынского, а знакомство с неопубликованными его произведениями несколько поколебало его скептицизм; в феврале 1840 г. он сообщает жене: «Есть красоты удивительной, вовсе новых и духом и формою. Все последние пьесы его отличаются, чем бы ты думала? Силою и глубиною! Он только что созрел» (там же, с. 270). Все эти данные, давно известные и постоянно приводимые в общих работах о Баратынском (М. Л. Гофмана, П. П. Филипповича, И. Н. Медведевой и Е. Н. Купреяновой, Л. Г. Фризмана, И. М. Тойбина, С. Г. Бочарова, Г. Хетсо и др.), требуют освещения в общем контексте творческой эволюции Баратынского; здесь необходимо специальное монографическое исследование, затрагивающее проблемы эволюции пушкинского круга и эволюции поэтических мировоззрений и стилей. Оно должно прямо подвести нас к проблеме литературных эпох.

«Эпоха 1830-х гг.» вызревала в недрах предшествующей, и симптомы надвигающегося перелома сказывались иной раз в частных эпизодах истории пушкинского круга. Одним из них был конфликт между «старшим» и «младшим» поколениями дельвиговского кружка: Дельвигом (отчасти с поддерживавшим его Пушкиным), с одной стороны, и Подолинским и Розеном — с другой; последние, обиженные строгими разборами своих сочинений (принадлежащими Дельвигу), оба покидают «Литературную газету». Принципиальный смысл выступлений Дельвига заключался в борьбе против эпигонства, появление которого — симптом умирания литературных школ и направлений. В письме Плетневу около 14 апреля 1831 г. Пушкин определял поэзию Деларю и Подолинского как «искусство» при отсутствии «творчества» (Пушкин, XIV, 162); почти в то же время Дельвиг иронически писал о «гладких» стихах

Подолинского, сочиняемых с большой «легкостью» (письмо Баратынскому от марта 1829 г.: Дельвиг А. А. Сочинения. Л., 1986. С. 335; рецензии на «Нищего» Подолинского — там же. С. 225-229). Как Пушкин, так и Дельвиг сознавали опасность воспроизведения готовых поэтических моделей, созданных Пушкиным; сам Пушкин явно тяготел к поэтам, «непохожим» на него самого.

Эта непохожесть, однако, с точки зрения Пушкина, не должна была простирается до разрушения основ утверждаемой им эстетической системы. В «Борском» и «Нищем» Подолинского сказывалось воздействие «неистойвой словесности»: отказ от логики характеров и перенесение центра тяжести на драматизм конфликта и сцены — характерная тенденция в развитии байронической поэмы 1830-х гг., где ослаблялись сюжетные мотивировки и возрастала роль случайности. Поэма такого типа посягала на принцип «истины страстей» и «правдоподобия чувствований», который Пушкин сформулировал по отношению к драме, но распространял и на другие формы сюжетного повествования. В области поэтического языка формирующаяся поэзия 1830-х гг. руководствовалась теми же установками на экспрессию; в поисках эмоциональной напряженности она утрачивала логическую точность слова, создавая впечатление непосредственного лирического самовыражения (см. об этом: Эйхенбаум, 1924). Эта экспансия «неистойвой» поэтики в целом для Пушкина была неприемлемой; отчасти в полемике с ней Пушкин в начале 1830-х гг. начинает воскрешать враждебные ей и, казалось бы, уже ушедшие в прошлое литературные образцы: послание в александрийских стихах, ориентированное на Вольтера и Буало («К вельможе», «Французских рифмачей суровый судия», 1833), «справедливую повесть» 1810-х гг. («Повести Белкина»), активизируя их художественные потенции. Этот подчеркнутый традиционализм был направлен и против «разрушителей традиции», среди которых Пушкин числил, в частности, Полевого. При всем том он продолжает с интересом следить за позитивными достижениями французской «неистойвой школы» (Гюго, Жанен), отношение к которой отнюдь не покрывается определениями «отрицание» или «отторжение». Как и ранее, он выделяет продуктивные начала даже в чуждом ему явлении. Этой многомерностью отмечены его оценки типичных представителей поэзии 1830-х гг.: Н. В. Кукольника (Е. А. Драшусова передает его слова: «жар не поэзии, а лихорадки». — Русский вестник. 1881. № 9. С. 152), В. Г. Бенедиктова, с энтузиазмом принятого его близким окружением (последняя проблема была всесторонне исследована Л. Я. Гинзбург — Гинзбург, 1936); с другой стороны, его отношение к поэзии В. Г. Теплякова, в которой обнаруживаются те же тенденции, оказывается двойственным: «блеск и энергия» дают Теплякову, по мнению Пушкина, право на «почетное место между нашими поэтами», но «сила выражения» переходит у него часто в «надутость», а «яркость описания» затемняется «неточностью» (Фракийские элегии. Стихотворения Виктора Теплякова. 1836. — Пушкин, XII, 82-91). Эта сложность взаимоотношений с «поэтами 1830-х годов» должна учитываться при анализах восприятия Пушкина последующей поэтической традицией, в частности Лермонтовым.

Близкие процессы идут в творчестве Пушкина-прозаика, определяя место его повестей в эволюции русских прозаических жанров.

В 1822 г. в заметке <<О прозе>> Пушкин провозглашал «точность и краткость» первыми достоинствами этого рода литературы. Проза «требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат» (Пушкин, XI, 19). Декларация содержала внутреннюю полемику: она была направлена против перифрастической лирической прозы эпигонов Карамзина; самого Карамзина Пушкин считал лучшим русским прозаиком, но в относительном смысле, имея в виду неразработанность языка русской прозы в целом. В 1831 г. в связи с переводом «Адольфа» Б. Констана, сделанным Вяземским, Пушкин ставит проблему создания «метафизического языка» прозы, пригодного для выражения философских понятий и анализа тончайших оттенков психической жизни. В «Повестях Белкина» он впервые выступил в печати с законченным опытом прозаического повествования, основанного на принципах «точности и краткости» и отмеченного тем же ретроспективизмом, о котором шла речь выше: Пушкин обратился в них к тривиальным сюжетам журнальной литературы 1810-1820-х гг.,

активизировав их художественные потенции. Новаторство не было понято; Ф. Булгарин, претендовавший на одно из первенствующих мест в этой области, ставил в вину «Повестям Белкина» как раз архаичность фабулы. На протяжении 1830-х гг. Пушкин несколько раз начинает писать в жанре светской повести, исторического романа и т. д.; некоторые из этих замыслов прямо соотнесены с проблематикой и даже сюжетами современных романов (ср. «Рославлев» (1831), ориентированный на роман М. Н. Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году»). Все эти замыслы остаются нереализованными; однако Пушкин продолжает внимательно следить за новинками оригинальной русской прозы, в особенности в жанре исторического романа (Загоскин, И. И. Лажечников); его собственные интенсивные занятия историей поддерживают этот интерес. Уже в это время определяется его преимущественное внимание к документальной, мемуарной, очерковой прозе — историческим очеркам А. О. Корниловича, историко-этнографическим — А. П. Крюкова, использованным им в «Арапе Петра Великого» и в «Капитанской дочке».

Все эти тенденции проявились в полной мере в журнале «Современник» (1836), в котором Пушкин сделал последнюю попытку объединить свой круг писателей и утвердить свою программу в сложной литературно-общественной ситуации 1830-х гг.

К середине 1830-х гг. существовали три журнала, вокруг которых концентрировались основные литературные силы. Одним из них был московский «Телескоп» (1831-1836) с приложением — газетой «Молва», издававшийся Н. И. Надеждиным; другим — «Московский наблюдатель» (1835-1837) В. П. Андросова, в последние свои два года (1838-1839) выходящий под негласной редакцией В. Г. Белинского. Временный журнальный союз Пушкина с первым из них (Пушкин напечатал в «Телескопе» стихотворение «Герой» и две полемические статьи против Греча и Булгарина под псевдонимом-маской «Феофилакт Косичкин») не привел к сближению; после 1831 г. Пушкин не печатается у Надеждина. Сложнее складывались его отношения с «Московским наблюдателем», вокруг которого сгруппировались прежние участники «Московского вестника» и близкие к ним литераторы. Основной критической силой журнала был С. П. Шевырев; в нем участвовали М. П. Погодин, Е. А. Баратынский, В. Ф. Одоевский, Н. Ф. Павлов, П. М. Языков, А. С. Хомяков, А. И. Тургенев; деятельное участие в обсуждении его программы принял Н. В. Гоголь. И у Пушкина, и в редакции нового журнала возникали планы совместного издания. Пушкин напечатал здесь «Тучу» и «На выздоровление Лукулла» (памфлет против С. С. Уварова) и внимательно следил за направлением его деятельности, — однако, чем дальше, тем больше обнаруживалась его неудовлетворенность как организацией издания, так, по-видимому, и его эстетической программой. С первых же своих книжек «Московский наблюдатель» начал борьбу с «торговой словесностью», основным оплотом которой считал петербургскую «Библиотеку для чтения» (статья Шевырева «Словесность и торговля»); своего рода поэтической декларацией его стало стихотворение Баратынского «Последний поэт» с романтической концепцией «железного века», губящего искусство. Эти постулаты оживленно обсуждаются в петербургском окружении Пушкина; и Пушкин, и Гоголь склонны признавать историческую неизбежность превращения в товар продуктов литературного творчества и делать предметом критического анализа лишь эстетическое качество «товара». Еще в «Разговоре книгопродавца с поэтом» Пушкин создал формулу профессионализирующейся литературы: «Не продается вдохновенье, / Но можно рукопись продать». Борьба против «массовой культуры» Булгарина была для Пушкина именно борьбой против продажи «вдохновения», а не «рукописи»: и в 1830 г., и позднее он считал, что «торговое» «направление» литературы есть «обыкновенное» (Пушкин, XIV, 253, письмо А. Х. Бенкендорфу от июля-августа 1830 г.). Это принципиальное расхождение по одному из центральных вопросов социологии литературы не мешало, однако, Пушкину в статье «Путешествие из Москвы в Петербург» заявить о своем решительном предпочтении московских литераторов литераторам петербургским, которые «по большей части не литераторы, но предприимчивые и смысленные литературные откупщики». «Ученость, любовь к искусству и таланты неоспоримо на стороне Москвы. Московский журнализм убьет журнализм

петербургский» (Пушкин, XI, 247-248). Вслед за тем Пушкин называет имена основных деятелей «Московского наблюдателя» — Шевырева, Погодина, И. Киреевского. При всем том уже в мае 1836 г., во время последнего своего визита в Москву, Пушкин пишет жене: «С литературой московскою кокетничаю, как умею; но Наблюдатели меня не жалуют» (П. Письма посл. лет. С. 139); вернувшись в Петербург, он посылает своему другу П. В. Нащокину экземпляр «Современника» с просьбой передать В. Г. Белинскому «тихонько от Наблюдателей» вместе с сожалением, «что с ним не успел увидеться» (там же. С. 142).

Все эти разрозненные фактические данные обозначают проблему чрезвычайной сложности и явно недостаточно разработанную. История, внутривизитные взаимоотношения, эстетическая и полемическая позиция, эволюция «Московского наблюдателя» изучены очень мало; между тем уже шестидесятилетней давности работа Н. И. Мордовченко (Мордовченко, 1936) показывает, что такое изучение абсолютно необходимо для уяснения существенных моментов в истории ближайшего пушкинского круга; без него многое остается непонятным и в позиции самого Пушкина — издателя «Современника». Значительно лучше обследована едва наметившаяся и неосуществившаяся связь Пушкина с Белинским, к этому времени заявившим себя противником «наблюдателей». В «Письме к издателю» в 3-м томе «Современника» (с подп. А. Б.) Пушкин упомянул о нем как о «таланте, подающем большую надежду». «Если бы с независимостью мнений и с остроумием своим соединял он более учености, более начитанности, более уважения к преданию, более осмотрительности, — словом, более зрелости, то мы бы имели в нем критика весьма замечательного» (Пушкин, XII, 97). (Обзор работ по этой проблеме см.: П. Итоги. С. 36-49; здесь же — и о взглядах Белинского на творчество Пушкина в 1840-е гг.; также: Оксман, 1950.)

История отношений Пушкина с третьим крупным журналом 1830-х гг. — «Библиотекой для чтения» — более кратковременна и менее сложна. Журнал был основан в 1834 г. О. И. Сенковским и книгопродавцем А. Ф. Смирдиным. Вся его литературная политика единовластно определялась Сенковским.

«Библиотека для чтения» была выдающимся феноменом русской журналистики, и сам Сенковский был далеко не ординарной фигурой. Крупный востоковед и практический знаток Востока, лингвист-полиглот, энциклопедически образованный историк, этнограф, музыковед, не чуждый точным и естественным наукам, он начал свою деятельность в Польше. Освоив русский язык уже в зрелом возрасте, он за несколько лет выдвинулся в первые ряды русских писателей. «Библиотеку для чтения» он сделал образцовым журнальным предприятием, обеспечив ей широкую читательскую аудиторию и добившись безукоризненной точности выхода книжек. Коммерческая респектабельность поддерживалась и высоким авторским гонораром. Сенковский сумел привлечь в «Библиотеку для чтения» лучшие авторские силы: Жуковского, Давыдова, И. И. Козлова — и Пушкина, поместившего здесь «Пиковую даму», отрывок из «Медного всадника», «Песни западных славян», сказки и др. Сотрудничество это, однако, было недолгим: известные литераторы начинают покидать журнал Сенковского, не желая мириться с редакторской диктатурой, которую он обосновывал как принципиальную позицию: Сенковский изменял и дописывал авторские тексты, контаминировал их по своему произволу и т. п. Другой причиной своего рода изоляции Сенковского была его критическая позиция, подчеркнута субъективная, включавшая ироническую игру с читателем; фельетонный тон критических обзоров «Барона Брамбеуса» (литературная маска, созданная Сенковским) нередко — и не без оснований — воспринимался как неуважение к литературе, приносимой в жертву невзыскательным читательским вкусам; журнал рассматривался противниками как явление «массовой культуры», «коммерческой словесности». Такая характеристика, отчасти справедливая, нуждается в то же время в серьезных уточнениях. Парадоксальное остроумие Сенковского-критика, иногда опускавшегося до журнального шутовства, не исключало, а лишь вуалировало позитивную систему его эстетических ориентаций. Так, резко оценив литературные опыты Гоголя и объявив писателя талантливым, но непритязательным юмористом, Сенковский

одним из немногих дал восторженный отзыв о пушкинской прозе, усмотрев в ней начало нового этапа русской прозы в целом (письмо Пушкину от января — первой половины февраля 1834 г. — Пушкин, XV, 109-111). Деятельность Сенковского, как и литературный материал «Библиотеки для чтения», исследованы мало, отчасти из-за негативной репутации его, сложившейся в русской историографии; единственной монографической работой о нем на русском языке, освещающей также эволюцию отношения его к Пушкину, остается книга В. А. Каверина (Каверин, 1929; 2-е изд. — 1966), основанная на большом и тщательно проанализированном материале (см. также: Pedrotti, 1965, и общие очерки о «Библиотеке для чтения» Л. Я. Гинзбург и В. Д. Морозова (Очерки, 1950; Морозов, 1979)).

Став издателем «Современника», Пушкин сделал последнюю попытку объединить свой круг писателей и утвердить свою эстетическую программу. В 1836 г. его возможности в этом отношении были ограничены существовавшим запретом на новые периодические издания. «Современник» был разрешен как литературный сборник в четырех томах, т. е. издание альманашного типа, и с самого начала испытал давление все более ужесточавшегося на протяжении 1830-х гг. цензурного режима. В известном смысле он следовал программе, намечавшейся Пушкиным еще для «Литературной газеты»: дать возможность публиковаться тем писателям, которые по тем или иным причинам не хотели сотрудничать в других печатных органах. К такому обособлению тяготела почти вся пушкинская литературная среда; в «Современнике» участвовали Жуковский, Вяземский, опубликовавший здесь, помимо стихов, наиболее значительные свои критические статьи второй половины 1830-х гг.: «Наполеон и Юлий Цезарь», «Новая поэма Э. Кине», «Ревизор, комедия, соч. Н. Гоголя»; Баратынский (стихотворение «Князю П. А. Вяземскому»), Д. Давыдов (стихи, статьи «О партизанской войне» и «Занятие Дрездена. 1813 года 10 марта»), Плетнев, В. Ф. Одоевский (статьи «О вражде к просвещению, замечаемой в новейшей литературе», «Как пишутся у нас романы»), Н. М. Языков. Пушкин привлекает к участию и новые литературные силы: А. В. Кольцова, Н. А. Дурову, Султана Казы Гирея и др. (роспись содержания журнала: Рыскин, 1967; факсимильное изд.: Современник, 1987). Сам Пушкин напечатал в «Современнике» «Скупого рыцаря», «Капитанскую дочку» и ряд важных критических статей.

История «Современника» отражает общественные и эстетические ориентации позднего Пушкина и его литературные отношения: почти все, что мы знаем об этих последних в 1836 г., связано с его начинанием. Став журналистом, Пушкин должен был соотносить свою позицию с журнальной политикой противоборствующих изданий, за которыми стояли оформленные или только оформляющиеся литературно-общественные группы. Самое появление пушкинского журнала, ставшего центром притяжения для лучших столичных литераторов, поневоле становилось фактом конкурентной борьбы — и в этом отношении весьма показательным становится факт внутриредакционной полемики, завязавшейся вокруг статьи Гоголя «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году», появившейся без подписи в первой книжке «Современника».

Проблема «Гоголь и Пушкин», имеющая биографический, историко-литературный и типологический аспекты, — одна из ключевых для осмысления литературного процесса в 1830-е гг. и даже позднее. Личные связи писателей завязываются в начале 1830-х гг., постепенно крепнут и становятся все более тесными (фактический материал о них суммирован и проанализирован: Гиппиус, 1931; Петрунина и Фридендер, 1969). Выход в свет «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (1831) вызывает восторженный отклик Пушкина: «Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности. А местами какая поэзия! Какая чувствительность! Все это так необыкновенно в нашей нынешней литературе, что я доселе не образумился» (Пушкин, XI, 216). Гоголю были известны неизданные полемические статьи Пушкина; со своей стороны, он читает Пушкину или передает в рукописи начало комедии «Владимир III степени», «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», «Тараса Бульбу», «Невский проспект». Известно воспоминание

Гоголя, что он был обязан Пушкину сюжетами «Ревизора» и «Мертвых душ». В 1834 г. он советует Гоголю приняться за историю русской критики.

Именно как критик Гоголь и выступил в первом же номере пушкинского журнала, и острие его критики было направлено в сторону «Библиотеки для чтения». Выступление это было сразу же воспринято как полемическая программа нового издания, что в цензурных условиях 1836 г., с резко негативным отношением к журнальной полемике вообще, грозило поставить под удар самое существование «Современника». В книжке 3-го журнала появился уже упоминавшийся нами ответ, подписанный инициалами «А. Б.», и примечание, уже от имени издателя, удостоверяющее, что статья «О движении журнальной литературы...» никак не является программной для «Современника».

Еще в 1916 г. было высказано предположение, что статья за подписью «А. Б.» принадлежала Пушкину (В. П. Красногорский); в 1924 г. оно было с неопровержимостью доказано Ю. Г. Оксманом. Этот на первый взгляд частный эпизод истории журнала при внимательном исследовании обнаружил свой принципиальный смысл: за ним стояли как вопросы журнальной тактики, так, по-видимому, и более глубокие расхождения Пушкина и Гоголя во взгляде на современный литературный процесс. Эта последняя проблема до конца не разработана; она требует воссоздания всего контекста эстетических и журнальных взаимоотношений середины 1830-х гг., с учетом позиций «Библиотеки для чтения» и «Московского наблюдателя», а также Белинского в «Молве» (историографию см.: П. Итоги, 1966. С. 231-234). Существует мнение, что эта полемика наложила отпечаток на взаимоотношения Гоголя и Пушкина и привела к взаимному охлаждению, — однако ни в письмах, ни в критических статьях Гоголя не обнаруживается никаких следов его конфликта с Пушкиным. Напротив, в поздние годы Гоголь развивает и углубляет то понимание феномена Пушкина, которое определилось у него уже в статье «Несколько слов о Пушкине» (1832), напечатанной в «Арабесках» (1835): Пушкин является выражением национальных начал в русской поэзии. С лета 1836 г. Гоголь находится за границей, и статья «А. Б.» выходит уже без него; одновременно с ней в 3-м томе «Современника» печатается его повесть «Нос» с редакторским примечанием Пушкина, где ей дается чрезвычайно высокая оценка. Примечание было почти демонстрацией, так как повесть была отвергнута редакцией «Московского наблюдателя» и вызывала негативные оценки и в пушкинском окружении (Е. Ф. Розен). После смерти Пушкина Гоголь все время возвращается к его образу и творчеству, соотнося с ним свое собственное; в статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность», включенной в «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847), он попытался дать целостный облик Пушкина как средоточия литературных исканий своего времени и, более того, как воплощение идеала поэта вообще. Для Гоголя он теперь приобретает значение своего рода символа; собственную литературную работу он осмысляет как осуществление заветов гения, почти как сакральную миссию. В этом контексте следует рассматривать и его рассказы о роли Пушкина в создании «Ревизора» и «Мертвых душ» — «передаче сюжетов», представляемую почти как символический акт. «Он (Пушкин. — В. В.) уже давно склонял меня приняться за большое сочинение. <...> И в заключение всего, отдал мне свой собственный сюжет, из которого он хотел сделать сам что-то в роде поэмы и которого, по словам его, он бы не отдал другому никому. Это был сюжет «Мертвых душ». (Мысль «Ревизора» принадлежит также ему.) <...> Пушкин находил, что сюжет «М<ертвых> д<уш>» хорош для меня тем, что дает полную свободу изъездить вместе с героем всю Россию и вывести множество самых разнообразных характеров» (<Авторская исповедь> — Гоголь, VIII. С. 439-440).*

Литературная поддержка Гоголя Пушкиным, таким образом, — несомненный факт, подтверждаемый всей совокупностью известных нам историко-литературных данных. Значительно более сложен вопрос о литературной преемственности. В прозе Гоголя есть

* См. по этому поводу интересные наблюдения в главе «С Пушкиным на дружеской ноге» из книги «Дуэль с пушкинистами» Юрия Дружникова. Москва-Аугсбург, «Im Werden», 2003, стр. 3-14 — *Примечание издателя*

непосредственные реплики на творческие находки Пушкина (Цявловский, 1962); во многих случаях он развивает пушкинские темы (тему «обыденного героя», персонифицированного, в частности, петербургским чиновником, и др.), — однако в целом проза его имеет иные структурно-стилистические основы и иной генезис; в ней преобладают фольклорно-лирическая стихия, гипербола, гротеск; в иных случаях она прямо противостоит протокольно точной, «неукрашенной» прозе Пушкина. Все эти вопросы выходят за пределы собственно литературных взаимоотношений Пушкина и Гоголя в область эволюции русского повествовательного стиля XIX в. (см.: Макогоненко, 1985; библиография работ — Фризман, 1995. С. 241-242).

Гоголь был самой крупной литературной величиной и самой яркой индивидуальностью в литературном окружении Пушкина — издателя «Современника», и это определяло особый характер его взаимоотношений с Пушкиным. Несколько иначе протекала работа в журнале В. Ф. Одоевского, уже добившегося видного места среди русских прозаиков 1830-х гг. Подобно Гоголю, он выступал и как автор повестей, и как критик, весьма ценимый Пушкиным. Одоевский выступал с критическими статьями еще в «Мнемозине», которую издавал вместе с Кюхельбекером; он входил в круг «любомудров» и в редакционное ядро «Московского вестника»; связь его с журналом, впрочем, затруднена, так как с середины 1826 г. он живет в Петербурге. В 1830 г. он принимает участие в «Литературной газете» и сближается с пушкинским кругом.

Как беллетрист, философ и критик, Одоевский изучен лучше, чем многие его современники. Сочинения его неоднократно переиздавались (наиболее полно: Соч.: В 2 т. М., 1982; комментированные издания академического типа: Русские ночи. Л., 1975; Пестрые сказки. СПб., 1996; статьи о Пушкине и статьи в «Современнике» — *Одоевский В. Ф. О литературе и искусстве*. М., 1982); фундаментальная монография П. Н. Сакулина (Сакулин, 1913) сконцентрировала обширный печатный и рукописный материал, связанный с творчеством Одоевского до 1840-х гг. Уже в последние десятилетия вышли монографические работы о нем биографического и историко-литературного характера, где освещается и история его взаимоотношений с Пушкиным (Cornwell, 1986, с обширной библиографией; Турьян, 1991). Предыстория их восходит еще ко времени «Мнемозины»; в 1827 г. Пушкин читает критическую статью Одоевского для «Московского вестника» и, одобрив ее в целом, требует исключить из нее резкие отзывы о Державине и Карамзине. Зато повесть Одоевского «Последний квартет Беетговена», прочитанная Пушкиным в «Северных цветах на 1831 год», вызывает у него восторженный отзыв: по его словам, он «едва когда-либо читал на русском языке статью столь замечательную и по мыслям и по слогу», обещающую в авторе писателя европейского достоинства (Русская старина. 1904. № 4. С. 206). С началом «Современника» Одоевский становится одним из активнейших помощников Пушкина: в письме от начала апреля 1835 г. Пушкин сожалеет, что Одоевский не успел ничего поместить в первом номере, и сообщает о намерении начать следующую книжку его статьей «О вражде к просвещению, замечаемой в новейшей литературе» — статьей «дельной, умной и сильной» (Переписка П. Т. 2. С. 436). Подобно Гоголю, Одоевский выступал против «Северной пчелы» и «Библиотеки для чтения», однако его полемика носит не персональный, а общетеоретический характер: предметом его критического анализа были антипросветительские, иррационалистические тенденции в современной литературе, эпигонское подражание образцам «неистойвой словесности», моралистическое бытописание, не основанное на глубоком изучении реальных общественных процессов. Собственные повести Одоевского из светской жизни («Княжна Зизи» и др.), с точки зрения Пушкина, противостояли этим тенденциям, и Пушкин настойчиво побуждал Одоевского закончить работу над ними, чтобы поместить их в журнале; значительно холоднее он отнесся к фантастической прозе Одоевского (см.: Измайлов, 1975. С. 303-325).

В историографии «Современника» с именем Одоевского и другого ближайшего сотрудника Пушкина — молодого А. А. Краевского — связывается вопрос о

внутриредакционных разногласиях в журнале. В 1952 г. было опубликовано письмо Одоевского и Краевского Пушкину с планом реорганизации «Современника» (Лит. наследство. Т. 58. С. 289-295). Оба автора письма были близки к редакции «Московского наблюдателя», и в исследовательской литературе возникло мнение, что в кругу «Современника» назрел кризис, имевший достаточно глубокие общественные и эстетические основы (литературу вопроса см.: П. Итоги. С. 232-233). Такое предположение как будто поддерживалось высказанным Пушкиным намерением «тихонько от Наблюдателей» привлечь к сотрудничеству Белинского, уже выступавшего в печати против московского журнала. Новейшие исследования позиции Одоевского, однако, не подтверждают версии о его участии в некоей антипушкинской коалиции, якобы стремившейся ограничить воздействие Пушкина на журнал (Турьян, 1991. С. 280-294). Внутренняя история «Современника», мало документированная и мало нам известная, конечно, требует дальнейшего изучения и внимательного учета индивидуальных позиций участников журнала, во многом отличных друг от друга, — но несовпадение мнений отнюдь не всегда приводило к антагонизму. Разногласия Пушкина с молодым Белинским касались вопросов, для Пушкина весьма существенных (отношения к «преданию», т. е. естественно установившейся литературной и исторической иерархии и пр.), — однако это не помешало Пушкину начать с ним переговоры об участии в журнале.

Эту особенность журнальной политики Пушкина приходится учитывать, говоря о сложной проблеме «Пушкин и Тютчев». «Современник» фиксирует позднюю фазу взаимоотношений: Пушкин публикует в 3-й и 4-й книжках две большие подборки «Стихотворений, присланных из Германии» (с подписью «Ф. Т.») — по тетради стихов Тютчева, привезенной И. С. Гагариным. Гагарин сообщал автору, что Вяземский и Жуковский увлечены стихами и намерены поместить их в журнале, а затем выпустить отдельной книжкой и что Пушкин также «дал им справедливую и глубоко прочувствованную оценку». В какой мере этот пересказ соответствует подлинному мнению Пушкина, не до конца ясно; ряд исследователей (Г. И. Чулков, Н. В. Королева, М. Н. Дарвин, В. В. Кожин) считают их, как и самый факт публикации, свидетельством безусловного признания Пушкиным тютчевской поэзии; другие (А. А. Николаев, А. Л. Осповат), отправляясь от наблюдений Тынянова, обращают внимание на характер отбора стихов, видя в нем акт своего рода интерпретации (Осповат, 1980. С. 19-28, с историографией; Осповат, 1990). Факт литературной поддержки Тютчева Пушкиным не подлежит сомнению; вопрос об историко-литературном соотношении остается дискуссионным и, во всяком случае, не может рассматриваться как прямая преемственность.

«Пушкин и Тютчев» — последняя из крупных историко-литературных проблем, касающихся литературных взаимоотношений Пушкина и связанных с «Современником»; более частные рассматриваются в общих работах о журнале (см., напр.: Еремин, 1963, 2-е изд. — 1976). Смерть Пушкина оборвала эти связи. Она совпала по времени со сменой литературных эпох и во многом ускорила эту смену. «Пушкинская эпоха» постепенно уходила в прошлое. Уже 1840-е гг. выдвигают новые имена и новые приоритеты, — но вся дальнейшая русская литературная жизнь, то более, то менее, отныне соотносит себя с этой исторической эпохой, определяемой ею как «золотой век» русской литературы.

Статья была написана для «The Pushkin Handbook» (Eds. David Bethea, Alexander Dolinin, Alexander Ospovat. Madison: The University of Wisconsin Press, английская версия готовится к печати) в декабре 1997 — январе 1998 г. Публикуется по авторизованной машинописной копии. В квадратных скобках в списке литературы указаны издания, упомянутые в основном тексте, но не включенные В. Э. Вацуру в библиографию; эти дополнения сделаны публикаторами. — *Примечание редакторов*

Л и т е р а т у р а

- Альтшуллер, 1984 — *Альтшуллер М. Г.* Предтечи славянофильства в русской литературе: (Общество «Беседа любителей русского слова»). Апп Арбог, 1984.
- Арзамас, 1994 — Арзамас: Сб.: В 2-х кн. Кн. 1-2. М., 1994.
- Арзамас и арзамасские протоколы, 1933 — Арзамас и арзамасские протоколы. Л., 1933.
- Аронсон, 1939 — *Аронсон М.* Поэзия С. П. Шевырева // Шевырев С. П. Стихотворения. Л., 1939. С. V-XXXII.
- [*Базанов В.* Очерки декабристской литературы: Поэзия. М.; Л., 1961.]
- [*Базанов В. Г.* Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949; 2-е изд. — Ученая республика. М.; Л., 1964.]
- [*Базанов В. Г.* Очерки декабристской литературы: Публицистика. Проза. Критика. М., 1953.]
- [*Баратынский Е. А.* Полное собрание стихотворений. Л., 1957. (Б-ка поэта).]
- [*Баратынский Е. А.* Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. М., 1987.]
- [*Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. 1-22. СПб., 1888-1910.]
- Блинова, 1966 — *Блинова Е. М.* «Литературная газета» А. А. Дельвига и А. С. Пушкина: 1830-1831: Указатель содержания. М., 1966.
- Вацуро, 1978 — *Вацуро В. Э.* «Северные цветы»: История альманаха Дельвига-Пушкина. М., 1978.
- Вацуро, Гиллельсон, 1986 — *Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И.* Сквозь «умственные плотины». 2-е изд. М., 1986.
- [*Веневитинов Д. В.* Полное собрание сочинений. М., 1934.]
- [*Веневитинов Д. В.* Стихотворения. Проза. М., 1980. (Лит. памятники).]
- [*Веселовский А. Н. В. А. Жуковский: поэзия чувства и «сердечного воображения».* СПб., 1904.]
- Виноградов, 1941 — *Виноградов В. В.* Стиль Пушкина. М.; Л., 1941.
- Виноградов, 1935 — *Виноградов В. В.* Язык Пушкина. М.; Л., 1935.
- Гиллельсон, 1969 -- *Гиллельсон М. И.* П. А. Вяземский: Жизнь и творчество. Л., 1969.
- Гиллельсон, 1974 — *Гиллельсон М. И.* Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974.
- Гиллельсон, 1977 — *Гиллельсон М. И.* От арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей. Л., 1977.
- Гинзбург, 1936 — *Гинзбург Л. Я.* Пушкин и Бенедиктов // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии АН СССР. М.; Л., 1936. Вып. 2. С. 148—182.
- [*Гинзбург Л. Я.* О лирике. М.; Л., 1964; 2-е изд. — Л., 1974.]
- Гиппиус, 1941 — *Гиппиус Вас. В.* Пушкин в борьбе с Булгариным в 1830-1831 гг. // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии АН СССР. М.; Л., 1941. Вып. 6. С. 235-255.
- Гиппиус Вл., 1900 — *Гиппиус В. В.* Пушкин и журнальная полемика его времени // Памяти А. С. Пушкина: Сб. статей преподавателей и слушателей ист.-филолог. ф-та СПб. ун-та. СПб., 1900.
- Гиппиус, 1931 — *Гиппиус В. В.* Литературное общение Гоголя с Пушкиным // Ученые зап. Пермского гос. ун-та. Отд. общ. наук. Вып. 2. 1930. С. 61-126.
- Гоголь — *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений. Т. I-XIV. М., 1937-1952.

Обзор включает лишь основные, преимущественно монографические работы. Статьи на более частные темы взаимоотношений Пушкина с отдельными писателями зарегистрированы в общих библиографиях (История русской литературы XIX века: Библиографический указатель / Под ред. К. Д. Муратовой. М.; Л., 1962) и компендиумах по Пушкину (Фризмэн, 1995; *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1988).

- Гуковский, 1957 — *Гуковский Г. А.* Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957.
- Гуковский, 1965 — *Гуковский Г. А.* Пушкин и русские романтики. М., 1965.
[*Дельвиг А. А.* Сочинения. Л., 1986.]
- Еремин, 1963 — *Еремин М.* Пушкин-публицист. М., 1963; 2-е изд. — М., 1976.
[*Жирмунский В. М.* Байрон и Пушкин. Л., 1924; переизд. — Л., 1978.]
- Измайлов, 1975 — *Измайлов Н. В.* Очерки творчества Пушкина. Л., 1975.
[*Иезуитова Р. В.* Жуковский и его время. Л., 1989.]
- Каверин, 1929 — *Каверин В. А.* Барон Брамбеус: История Осипа Сенковского, журналиста, редактора «Библиотеки для чтения». Л., 1929; 2-е изд. — М., 1966.
- Каллаш, 1904 — *Каллаш В.* Пушкин, Н. Полевой и Булгарин // Пушкин и его современники. СПб., 1904. Вып. 2. С. 32-49.
[*Каменский З. А.* Московский кружок Любомудров. М., 1980.]
- [*Каменский З. А.* Н. И. Надеждин: очерк философских и эстетических взглядов (1828!1836). М., 1984.]
- [*Киреевский И. В.* Критика и эстетика. М., 1979.]
- [*Киреевский И. В.* Полное собрание сочинений. Т. 1—2. М., 1911.]
- [*Козмин Н. К.* Николай Иванович Надеждин: Жизнь и научно-литературная деятельность: 1804-1836. СПб., 1912.]
- [*Козмин Н. К.* Очерки по истории русского романтизма: Н. А. Полевой как выразитель литературных направлений современной ему эпохи. СПб., 1903.]
- Лемке, 1908 — *Лемке М. К.* Николаевские жандармы и литература. 1826-1855 гг. По подлинным делам III отделения собственной Е. И. В. канцелярии. СПб., 1908.
[«Литературная газета» А. С. Пушкина и А. А. Дельвига: 1830 год. № 1-13. М., 1988.]
- [*Лотман*, 1981 — *Лотман Ю. М.* А. С. Пушкин: Биография писателя. Пособие для учащихся. Л., 1981.]
- [*Маймин Е. А.* Русская философская поэзия: Поэты-любомудры, А. С. Пушкин, Ф. И. Тютчев. М., 1976.]
- Маймин, 1969 — *Маймин Е. А.* Философская поэзия Пушкина и Любомудров: (К различию художественных методов) // Пушкин: Исследования и материалы. Т. VI: Реализм Пушкина и литература его времени. Л., 1969. С. 98-117.
- Макогоненко, 1985 — *Макогоненко Г. П.* Гоголь и Пушкин. Л., 1985.
- Макогоненко, 1987 — *Макогоненко Г. П.* Лермонтов и Пушкин: Проблемы преемственного развития литературы. Л., 1987.
[*Манн Ю. В.* Русская философская эстетика: (1820-1830-е гг.). М., 1969.]
- Медведева, 1936 — *Медведева И.* Ранний Баратынский // Баратынский Е. А. Полное собрание стихотворений. Л., 1936. Т. 1. С. XXXV-LXXVII.
- Мейлах, 1937 — *Мейлах Б.* Пушкин и русский романтизм. М.; Л., 1937.
[*Модзалевский Б. Л.* К истории «Зеленой лампы» // Декабристы и их время. М., 1928. Т. 1.]
- Мордовченко, 1936 — *Мордовченко Н. И.* Гоголь и журналистика 1835-1836 гг. // Н. В. Гоголь: Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. II. С. 105-150.
- Мордовченко, 1959 — *Мордовченко Н. И.* Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л., 1959.
- Морозов, 1979 — *Морозов В. Д.* Очерки по истории русской критики второй половины 20-30-х годов XIX века. Томск, 1979.
[*Надеждин Н. И.* Литературная критика. Эстетика. М., 1972.]
- Новонайденный автограф, 1968 — Новонайденный автограф Пушкина: Заметки на рукописи книги П. А. Вяземского «Биографические и литературные записки о Денисе Ивановиче Фонвизине» / Подгот. текста, статья и коммент. В. Э. Вацура и М. И. Гиллельсона. М.; Л., 1968.

- [Одоевский В. Ф. О литературе и искусстве. М., 1982.]
- [Одоевский В. Ф. Пестрые сказки. СПб., 1996. (Лит. памятники).]
- [Одоевский В. Ф. Русские ночи. Л., 1975. (Лит. памятники).]
- [Одоевский В. Ф. Сочинения: В 2 т. М., 1981.]
- Оксман, 1950 — Оксман Ю. Г. Переписка Белинского: (Критико-библиографический обзор) // Литературное наследство. М., 1950. Т. 56. С. 201-254.
- Осват, 1980 — Осват А. Л. «Как слово наше отзовется»: О первом сборнике Ф. И. Тютчева. М., 1980.
- Осват, 1990 — Осват А. Л. Тютчев и Пушкин: история литературных отношений // Тыняновский сборник: Четвертые Тыняновские чтения. Рига, 1990. С. 60-76.
- Очерки, 1950 — Очерки по истории русской журналистики и критики. Т. I: XVIII век и первая половина XIX века. Л., 1950.
- П. в восп., 1974, 1985 — А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1-2. М., 1974; 2-е изд. — М., 1985.
- П. в прижизн. критике, 1996 — Пушкин в прижизненной критике: 1820-1827 / Под общ. ред. В. Э. Вацура и С. А. Фомичева. СПб., 1996.
- П. Итоги — Пушкин: Итоги и проблемы изучения / Коллективная монография под ред. В. П. Городецкого, Н. В. Измайлова, В. С. Мейлаха. М.; Л., 1966.
- П. Письма посл. лет — Пушкин. Письма последних лет. 1834-1837. Л., 1969.
- Переверзев, 1936 — Переверзев В. Ф. Пушкин в борьбе с русским плутовским романом // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии АН СССР. М.; Л., 1936. Вып. 1. С. 164-188.
- Переписка П. — Переписка А. С. Пушкина: В 2 т. М., 1982.
- Песков, 1995/1996 — Песков А. М. Пушкин и Баратынский: Материалы к истории литературных отношений // Новые безделки: Сборник статей к 60-летию В. Э. Вацура. М., 1995/1996. С. 239-270.
- Петрунина и Фридендер, 1969 — Петрунина Н. Н., Фридендер Г. М. Пушкин и Гоголь в 1831-1836 годах // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1969. Т. VI: Реализм Пушкина и литература его времени. С. 197-228.
- [Погодин М. П. Повести и драма. М., 1984.]
- [Полевой Н. А. История русского народа. Т. 1-6. М., 1829-1833; переизд.: Т. 1-3. М., 1997.]
- Полевой, 1934 — Полевой Николай. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов / Ред., вступ. ст. и коммент. Вл. Орлова. Л., 1934.
- [Полевой Н. А., Полевой Кс. А. Литературная критика: Статьи, рецензии 1825-1842. Л., 1990.]
- Пугачев, 1962 — Пугачев В. В. Предыстория Союза благоденствия и пушкинская ода «Вольность» // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1962. Т. IV. С. 94-139.
- Пушкин — Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1949. Т. 1-16; 1959. Справочный том.
- Пушкин. Стихотворения лицейских лет — Пушкин А. С. Стихотворения лицейских лет. 1813-1817. СПб., 1994.
- Рыскин, 1967 — Рыскин Е. А. Журнал А. С. Пушкина «Современник» 1936-1837: Указатель содержания. М., 1967.
- Сакулин, 1913 — Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель. Писатель. Т. 1. Ч. 1-2. М., 1913.
- Сев. цветы, 1980 — Северные цветы на 1832 год / Изд. подг. Л. Г. Фризман. М., 1980.
- Серман, 1969 — Серман И. З. Пушкин и русская историческая драма 1830-х годов // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1969. Т. VI: Реализм Пушкина и литература его времени.
- Сидяков, 1983 — Сидяков Л. С. О статье Пушкина «Денница»: (К спорам о Пушкине и Тютчеве) // Временник Пушкинской комиссии, 1980. Л., 1983. С. 47-52.

- Современник, 1987 — Современник. Литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным (Факсимильное издание). М., 1987.
- Столпянский, 1914/16 — *Столпянский П. Н.* Пушкин и «Северная пчела» (1825-1837) // Пушкин и его современники. Вып. 19-20. Пг., 1914. С. 117-190; Вып. 23-24. Пг., 1916. С. 127-194.
- Сухомлинов, 1889 — *Сухомлинов М. И.* Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 2.
- Тойбин, 1980 — *Тойбин И. М.* Пушкин и философско-историческая мысль в России на рубеже 1820-х и 1830-х годов. Воронеж, 1980.
- Тойбин, 1988 — *Тойбин И. М.* Тревожное слово. Воронеж, 1988.
- Томашевский, 1956 — *Томашевский Б.* Пушкин. М.; Л., 1956. Кн. 1 (1813-1824).
- Турьян, 1991 — *Турьян М. А.* «Странная моя судьба...»: О жизни Владимира Федоровича Одоевского. М., 1991.
- [*Тынянов Ю. Н.* Архаисты и новаторы. Л., 1929.]
- Тынянов, 1968 — *Тынянов Ю. Н.* Пушкин и его современники. М., 1968.
- Тынянов, 1977 — *Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
- Фомин, 1911 — *Фомин А. Г.* Пушкин и журнальный триумvirат 1830-х годов // Пушкин А. С. Сочинения / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1911. Т. V. С. 451-492.
- Фризман, 1966 — *Фризман Л. Г.* Творческий путь Баратынского. М., 1966.
- Фризман, 1995 — *Фризман Л. Г.* Семинарий по Пушкину. Харьков, 1995.
- [*Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. Т. 1!8. М., 1900-1907.]
- [*Хомяков А. С.* Стихотворения и драмы. Л., 1969. (Б-ка поэта).]
- Цявловский, 1962 — *Цявловский М. А.* Статьи о Пушкине. М., 1962.
- [*Шевырев С. П.* Стихотворения. Л., 1939. (Б-ка поэта).]
- Шикло, 1981 -- *Шикло А. Е.* Исторические взгляды Н. А. Полевого. М., 1981.
- [*Щеголев П. Е.* Пушкин: Исследования, статьи, материалы. 3-е изд., испр. и доп. М.; Л., 1931. Т. 2. Из жизни и творчества Пушкина.]
- Эйдельман, 1987 — *Эйдельман Н. Я.* Пушкин: Из биографии и творчества. 1826-1837. М., 1987.
- Эйхенбаум, 1924 — *Эйхенбаум Б.* Лермонтов: Опыт историко-литературной оценки. Л., 1924.
- Cornwell, 1986 — *Cornwell N.* The Life, Times and Milieu of V. F. Odoyewsky. 1804-1869. L., 1986.
- Mersereau, 1967 — *Mersereau J. Jr.* Baron Delvig's Northern Flowers: 1825-1832 // Literary Almanac of the Pushkin Pleiad. L. ; Amsterdam, 1967.
- Pedrotti, 1965 — *Pedrotti L.* Josef-Julian Senkowski: The Genesis of a literary Alien. Los Angeles, 1965.